

ПУШКЕНЫ

ТЕКСТЪ И ТЕМЫ

Н. ШЕБУЕВА.

*Мис. И. Раболовский
(Москва)*

ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТРЕТ
Д. И. Котельникова
„ДИКОБРАЗ“

Новый Годъ.

Старый Годъ не старецъ хилый,
 Не согбенный и сѣдой, —
 Онъ Рабочій, гордый силой,
 Смѣлый, дерзкій, молодой...
 Шелъ онъ, шелъ могучимъ шагомъ,
 Кверху голову держалъ,
 Шелъ впередъ, съ ружьемъ и флагомъ, —
 Былъ тотъ флагъ кроваво-алъ.
 Шелъ впередъ. Все разступалось,
 Раздвигалось на пути,
 Разгоралось, разрушалось
 Даже тамъ, гдѣ не пройти.
 Шелъ впередъ. Земля дрожала,
 Пламенѣли небеса,
 Море билось, клокотало,
 Вѣтры рвали паруса.
 Черезъ январь, февраль кровавый;
 Черезъ ужасы весны,
 Гдѣ дарятъ безславной славой
 Русь Японіи сыны;

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУБВА.

Черезъ іюнь, іюль съ пожаромъ
 Безземельныхъ деревень;
 Черезъ августъ, гдѣ кошмаромъ
 Превращаетъ въ ночи день
 Нашъ великій провокаторъ
 Всероссійскій бюрократъ;
 Черезъ сентябрь, гдѣ триумфаторъ
 Витте, — чортъ ему не братъ;
 Черезъ октябрь, гдѣ насъ кадрилию
 Тѣшитъ пара паръ свободъ;
 Черезъ ноябрь, гдѣ камарилью
 Вновь почувствовалъ народъ;
 Черезъ декабрь съ премьерь-министромъ
 Всемогущимъ Дурново; —
 Шелъ впередъ онъ шагомъ быстрымъ
 И — оконченъ путь его:
 Дальше — Новый Годъ настанетъ.
 Что сулитъ намъ Новый Годъ?
 Надругается, обманетъ
 Погремушками свободъ,

На развалинахъ-обломкахъ
 Водрузить ли Новый Домъ,
 Поведеть ли на построкахъ
 Иль задушить хомутомъ,
 Дастъ ли пищу охамъ, ахамъ,
 Или счастьемъ безъ конца...
 Всѣ съ надеждою и страхомъ
 Ожидаютъ пришлеца.
 Чу!.. Бьетъ полночь... Но на смѣну
 Не явился Новый Годъ.
 — „Новый Годъ! Сюда на сцену!..
 Что жъ ты медлишь!.. Твой чередъ...
 Выходи! Кипитъ и плещетъ
 Не шампанское, а кровь...
 Выходи — пожаромъ блещетъ
 Русь повсюду вновь и вновь...
 Принеси успокоенье,
 Принеси съ собой елей
 Всепрошенья, примиренья,
 Слабыхъ духомъ пожалѣй“...
 — „Слабыхъ духомъ!.. Прочь съ дороги“, —
 Крикнулъ Старый Годъ: — „Кто слабъ,
 Въ комъ дрожитъ струна тревоги,
 Кто душой иль мыслью рабъ!..
 Обновленная Россія
 Не страна теперь рабовъ...
 Я—Мессія, — я Мессія,
 Всѣ на мой стекайтесь зовъ...
 Года Новаго не ждите:
 Крови струсилъ, — не придетъ.
 Вы опять за мной идите, —
 Съ вами я на цѣлый годъ...
 Старый Годъ не старъ, я — молодежь,
 Провести отважно Русь
 Сквозь Чуму, Холеру, Голодь
 И Реакцію берусь...
 Я — Пророкъ; не успокоюсь
 Встрѣтитъ Русь грядущій день, —
 Мы пойдемъ въ крови по поясъ
 По пожарамъ деревень!
 Я — Пророкъ: придется бродомъ
 Рѣки слезъ переходить,
 Слезъ, что пролиты народомъ, —
 Смертью каждый шагъ купить...
 Я — вашъ Вождь и вашъ Товарищъ,
 Смѣло, гордо говорю:
 Черезъ зарево пожаращъ
 Вы увидите зарю,
 Сквозь пожары и погромы —
 Голубѣютъ небеса...
 Сквозь грозы стихійной громы —
 Серафимовъ голоса...
 Сквозь неслыханныя бѣды
 Городовъ и деревень —
 Близокъ, близокъ день побѣды,
 Возрожденья свѣтлый день...
 Я — Мессія, я — Мессія,
 Наше знамя побѣдитъ!
 Потрясенная Россія
 Въ мукахъ свой покой родитъ!..“

ПЬЯНАЯ.

Она подошла ко мнѣ наглая, вызывающая, циничная.

Ея глаза блестя чохоточнымъ блескомъ, на щекахъ горѣлъ румянецъ порока, волосы спутались, тяжелыми прядями упали на полуобнаженные плечи.

Она подошла ко мнѣ и заодно взглянула мнѣ въ лицо.

— Здравствуй! Не знакомъ со мной?.. Такъ познакомимся.. Что отворачиваешься?.. Отъ меня, небось, не отвернешься..

Она съ ухарствомъ повела плечами и сильнымъ, взвизгивающимъ голосомъ залихватски гаркнула:

Эхъ!.. Разсыпся горохъ
По бѣлой тарелкѣ!..
Посадили къ негодяю
Меня на колѣнки!..

— Городовой!—хотѣлъ было крикнуть я,— но мой крикъ потонулъ въ ея разухабистомъ гиканьѣ:

Разсыпалась,
Разсточилась;
Пошла за водой,
Обмочилась...

— Ха!-ха!-ха!..—Ты никакъ городского крикнулъ... Что мнѣ твой городской сдѣлаетъ?..

— Отправить въ участокъ для вытрезвления...

— Меня!.. въ участокъ!... Ха!-ха!-ха!..—Да знаешь ли ты, какъ звать меня?

— И знать не хочу!..

— Я, — Русская Пѣсня... И меня въ участокъ!.. Ну, и насмѣшилъ... Да я въ кабацкѣ родилась, въ трактирѣ воспиталась, посередь веселья разгульнаго вѣкъ свой вѣковала, и ты хочешь меня въ участокъ!.. Ха!-ха!-ха!.. Да я твоему городовому вотъ этакъ сдѣлаю, такъ и его обсахарю, и онъ растаетъ..

Тутъ я понялъ, что встрѣтился съ кабацкой Пѣсней.

— Закрыли кабаки, такъ думаете и веселью русскому конецъ?.. Думаешь, что на меня наплевать можно да каблукомъ раздавить... Въ отставку меня, какъ поется:

Пишетъ миленькій записку:
Ты мнѣ больше не нужна,
Я нашель себѣ модистку,
Модистка очень хороша.

Нѣтъ! меня раздавить не раздавите, скорѣе на ножку мозольки настукаете... Сжился со мной русскій человекъ. Не отдерешь меня отъ его веселости, и отъ грусти его не отдерешь!

Эхъ!.. Мальчишечка-бѣдняжечка.
Онъ склонилъ свою головушку...
Онъ склонилъ свою головушку
Да на правую сторонушку...
Что на правую, да на лѣвую,
Красной дѣвицѣ на грудь бѣлую...
На груди лежалъ, тяжело дышалъ,
Тяжело дышалъ „прощай“ сказалъ:—
„Ты прости-прощай, красна дѣвица...“
„Красота мнѣ твоя очень нравится,“
„А любовь наша скончается!“

Она сдѣлалась неузнаваемой: вмѣсто звѣвшихъ ваххическимъ смѣхомъ взвизгиваній изъ ея груди вылетали протяжные, удушливые стоны. Глаза потухли, зазорныя пряди волосъ опустились. Плечи все еще вздрагивали, но это было вздрагиваніе рыдающей женщины. Безысходная грусть свѣтилась въ каждомъ словѣ этого речитатива и выжимала слезы у меня изъ глазъ.

— Что?.. распаточился? Нюни распустилъ... взгрустнулось?.. Ну, сади, сади меня въ участокъ... А что какъ я въ самомъ участкѣ гаркну:

Черви, бубны, виноградъ!
Чѣмъ мой милый виноваты?!

Да предъ самымъ частенькимъ приставчикомъ-то, козыремъ, козыремъ... да спою ему добру молодцу:

Ты напрасно, Ваня, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь...
Ты невѣсты не получишь,
Безъ салогъ домой придешь...

На, молъ, меня. Протрезвляй, тверезый, бабу пьяную.

Закипѣли самовары на столѣ,
Зашумѣли всѣ угары въ головѣ...
А барышни собираются!..
Въ путь-дорогу снаряжаются!..

И вдругъ она выкинула такое колѣнце, что мнѣ пришлось отвернуться.

— Отворачиваешься!.. Ха!-ха!-ха!.. Нѣтъ, братъ, отъ меня не отвернешься!

Эхъ, мамашка, кричу крикомъ
Полсапожки шей со скрипомъ...

Потрезвить меня вздумалъ... Пѣсню рассеяскую протрезвить! Да меня двадцать столѣтievъ не протрезвили... А ты однимъ участкомъ вздумалъ... Протрезви! попробуй!.. Много во мнѣ хмельнаго, полугарнаго... Зародилась я по пьяному дѣлу, да и развилась не по тверезому... Потому и душа русская весела по пьяному дѣлу, да и грустна не по-тверезому... Раздави меня,—Руси веселіе пити и пѣти!..

Она помолчала, почесала у себя въ затылкѣ и добавила:

— Вѣками я сложилась, вѣка и отрезвлять меня... съ души начинай отрезвлять. Когда души будутъ трезвья—тогда и пѣсни будутъ трезвья. Я—душа народная. Вырвалась я теперь изъ кабака на свѣжій воздухъ, пошла по улочкамъ, переулочкамъ, встрѣчайте меня нежданную, непрошенную... Шире дорогу!... Чѣмъ какъ не мной будетъ хохотать народъ русскій? Чѣмъ какъ не мной будетъ плакать?!

М. Свирьченка.

— Я не противъ пѣсни... Я противъ цинизма...

— Ха!-ха!-ха!.. прикорсечивать меня што ли хочешь!.. Обкокачивать какъ какую-нибудь шансонетку!.. Ну, нѣтъ, братъ, я въ „Польки-монопольки“ не гожусь... Изъ меня слова не выкинешь... Вѣками это слово въ меня вколачивалось, вѣками оно и выколачиваться будетъ... Ты душу сперва русскую прикорсетъ, а потомъ и я сама собой приподтянусь. И тогда вмѣсто пѣсни кабацкой разольется пѣсня новая—монопольная...

— Ну, прощай, до свиданія!..

Она пошла отъ меня, беззаботно напѣвая:

Жена моя, женушка,
Сердитое сердце мое...
Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ,—
Не глядитъ на него,
Все ругаетъ его,
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Къ нему ходитъ плечикомъ...
Я поѣду, я уѣду,
Во Китай-городъ гулять,—
Женѣ плетку покупать...

И отъ этой пѣсни пахнуло мнѣ въ лицо и средневѣковымъ Китай-городомъ, и домостроевской плеткой, и понялъ я, что бороться съ Пѣснью трудно. Каждое слово ея закрѣплено вѣками и его не выкинешь участкомъ.

И мнѣ хотѣлось крикнуть ей вдогонку:

— Слушай! Русская Пѣсня. Отчего ты поешь про кабакъ да про неволю? Почему ты глуха къ окружающей жизни? Смотри, все вокругъ, даже сами камни, кричатъ о свободѣ. Упади

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

ухомъ къ сырой землѣ, ты услышишь, что и она поетъ:

Вставай, подымайся, рабочий народъ!..

Неужели тебѣ не стыдно, что русскій народъ, русская земля, русскіе камни вопіютъ къ небу на мотивъ французской марсельезы!.. Неужели не стыдно, что и тебя, дитя свободы, раздавила, придушила, измочалила вѣковая цензура режима... Неужели тебѣ не стыдно видѣть, какъ ты спилась!..

Но она уже была далеко. Она шла пошатываясь со стороны въ сторону. Я ничего не крикнулъ ей.

Но мнѣ кажется, что она сама запѣла на мотивъ марсельезы:

Вставай, подымайся, рабочий народъ!..

Пулеметъ объявляетъ конкурсъ на сочиненіе взамѣнъ марсельезы русскаго гимна. За условіями гг. композиторовъ прошу адресоваться лично и письменно: Ковенскій, 14, кв. 10, отъ 12 до 2 ч. ежедневно. Первая премія — 100 руб., вторая—50, третья—25.

Требуется, чтобы сочиненіе было написано и à capella и для рояли.

Срокъ подачи сочиненій 1 февраля.

Хороводная.

А мы просо сѣяли, сѣяли,

Ой, дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли...

— А мы смуту сѣяли, сѣяли.

Ой, дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли...

— А мы смуту вытопчемъ, вытопчемъ.

Ой, дидъ Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ...

— А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?

Ой, дидъ Ладо, вытоптать, вытоптать...

— А мы коней *) выпустимъ, выпустимъ.

Ой, дидъ Ладо, выпустимъ, выпустимъ...

— А мы коней переймемъ, переймемъ.

Ой, дидъ Ладо, переймемъ, переймемъ...

— А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?

Ой, дидъ Ладо, перенять, перенять...

— А мы возьмемъ молодца, молодца.

Ой, дидъ Ладо, молодца, молодца...

— Не пойдетъ къ вамъ молодецъ, молодецъ.

Ой, дидъ Ладо, молодецъ, молодецъ...

— А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.

Ой, дидъ Ладо, сто рублей, сто рублей...

— Не возьметъ и тысячи, тысячи.

Ой, дидъ Ладо, тысячи, тысячи...

*) Очевидно казацкихъ.

—: Сказка о Манухинъ :—

Жиль-быль Манухинъ.
Долго онъ жилъ безъ всякой личности.
Никакой физиономіи у него не было, а за-
мѣсто лица была пустышка.

Бывало подойдетъ
къ зеркалу и шутить:

— Хорошо мнѣ
такъ. Ей-Богу, хорошо.
По крайности бриться
не надо. И кредиторы
на улицѣ не узнаютъ.

А дѣлопроизводи-
тель ему вторить:

— Вамъ бы, ваше
превосходительство,
въ министры пойти.
Никакихъ бы такихъ
покушеніевъ не было.

Вздохнетъ бывало

Манухинъ. Про себя подумаетъ:

— Далеко кулику до двадцатаго числа!

А вслухъ прибавить:

— Ну-ка, давай бумаги подписывать. Все въ
исправности?

И вдругъ дѣлопроизводителя слова сбылись.

Умеръ Муравьевъ. Нужно было на мѣсто
его посадить кого-бы побезличнѣе.

Вспомнили про Манухина.

— Ба! Да вѣдь у него никакой физиономіи
нѣтъ.

Призвали
Манухина:

— Пока-
жись.

Лицо чи-
стое. Ника-
кихъ особыхъ
примѣтъ вро-
дѣ носа, бро-
вей и тому по-
добнаго нѣтъ.

— Будешь
всѣмъ про-
чимъ мини-
страмъ потра-
флять?

— Буду.

И сталъ Ма-
нухинъ мини-

стромъ юстиціи.

И какъ былъ безличнымъ, такъ безличнымъ
и остался.

Даже курьеры въ судѣ спрашиваютъ:

— Это какой такой Манухинъ? Съ лица-то
онъ какъ выглядитъ?

— Никакъ не выглядитъ.

Только надоѣло Манухину безъ личности
жить:

— Министръ. А ежели на улицу выйду
такъ никакого мнѣ уваженія нѣтъ. Знакомые
даже не кланяются, — не узнаютъ. Пойду къ
Дурновѣ.

— Дурновѣ, а Дурновѣ! Хочу получить физио-
номію.

— То есть какъ это физиономію?

— Чтобы меня всѣ узнавали и всѣ кланялись.

— Ишь чего захотѣлъ.

— Разрѣши элексиру для роженія волосъ
на казенный счетъ купить. Пусть брови выро-
стутъ. Стыдно безъ бровей.

— Купи. Только самъ отсчитывайся.

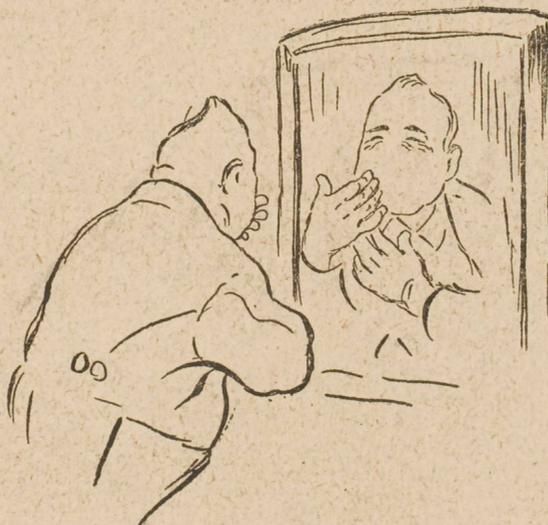
Выросли у Манухина на казенный счетъ
брови.

Только ему этого мало. Пошелъ опять къ
Дурновѣ:

— Хочу быть съ усами. Разрѣши на ка-
зенный счетъ бинтъ для усовъ купить.

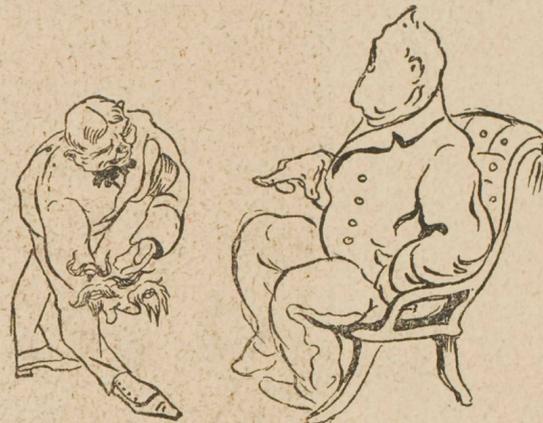
— Эхъ ты, Манухинъ! Тебѣ бинтъ не по-
можетъ. А ты лучше наклей себѣ усы. Пусть
другіе-прочіе думаютъ, что у тебя свои усы,
а у тебя — министерскіе. Иванъ Ивановичъ, от-
пустилъ министру усы и бородку посвѣжѣе...
Запишите за гороховымъ отдѣленіемъ.

Пришелъ Манухинъ домой съ усами и съ
бородкой. А только ему этого мало.

Черезъ три дня опять къ Дурновѣ.

— Дурновѣ, а Дурновѣ! Хочу чтобы носъ
выросъ. Дай заграничную командировку. Ихніе
доктора, говорятъ, такую операцію дѣлаютъ,

что послѣ нея носъ можетъ вырасти. Хочу
быть съ носомъ!..

— Ишь чего захотѣлъ. Ну, заграничной коман-
дировки я тебѣ не дамъ. А съ носомъ будешь.
Иди спокойно домой.

Пришелъ Манухинъ домой. А на столѣ у него
уже отставка лежитъ.

И сталъ Манухинъ съ носомъ.
А Акимовъ — министромъ юстиціи.
Дѣтки, если у васъ нѣтъ личности и слава
Богу. Не старайтесь ее приобрѣсти.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Вотъ мчится тройка
удалая
Вдоль по дорогѣ стол-
бовой—
Три вѣдьмы старыхъ,
воя, лая,
Тряся лохматой голо-
вой:—

„Кукламет“, 1906, № 4

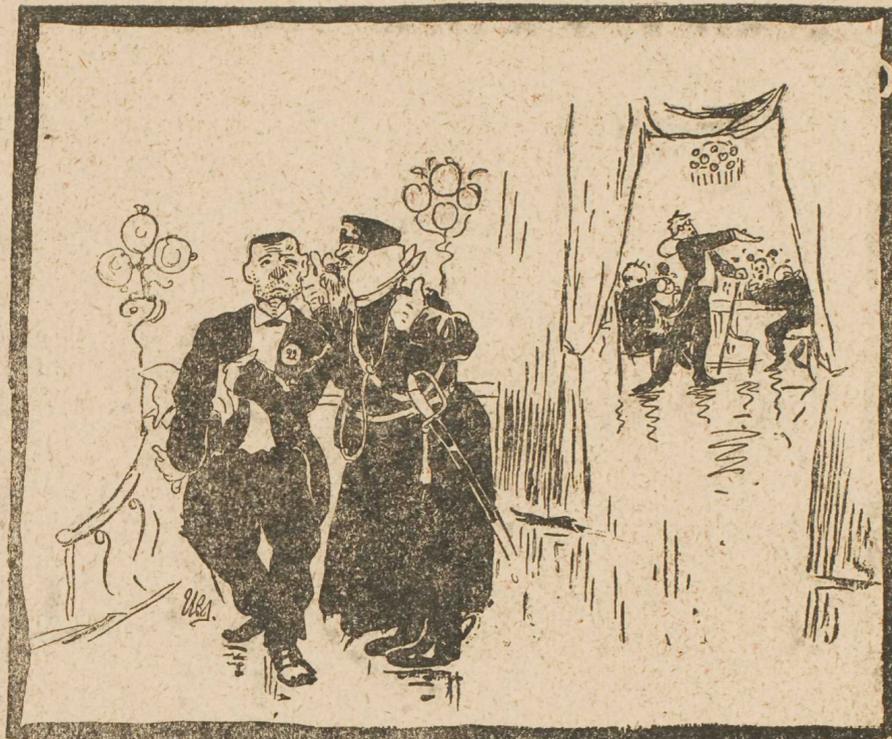

Чума, Реакція, Холера,
А править — Голодъ
(Недородъ)...
А впрочемъ, „приняты
всѣ мѣры“...
Пусть не волнуется
народъ...

Въ началѣ
1905 года.

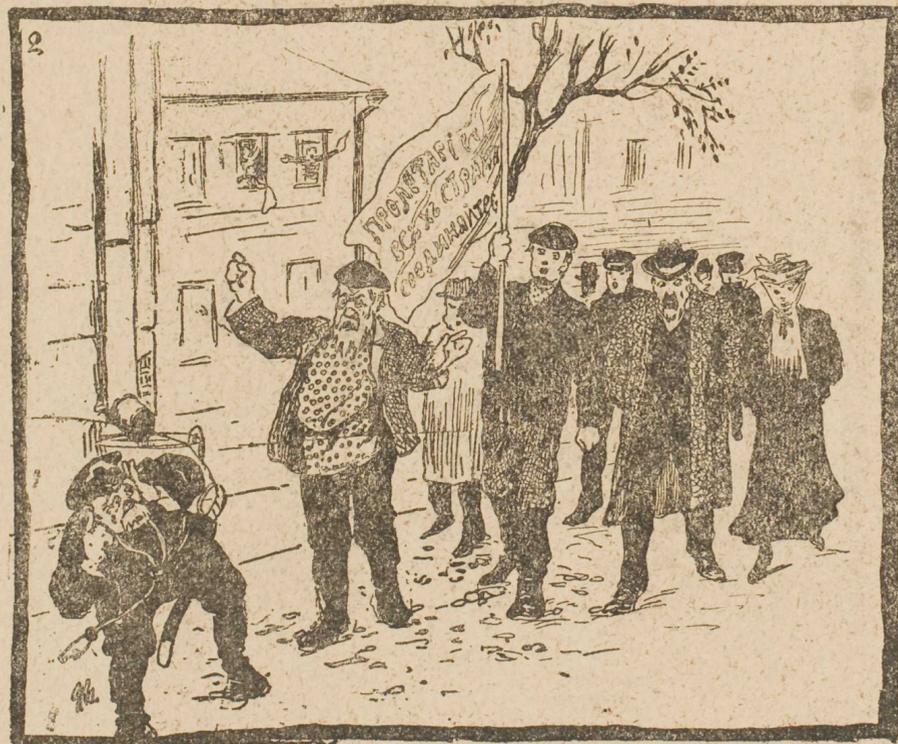
— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

— О чемъ говорили господа и что требова-
ли?

— О чемъ говорили—не знаю. А требовали
больше Нарзанъ...

Въ началѣ
1906 года.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

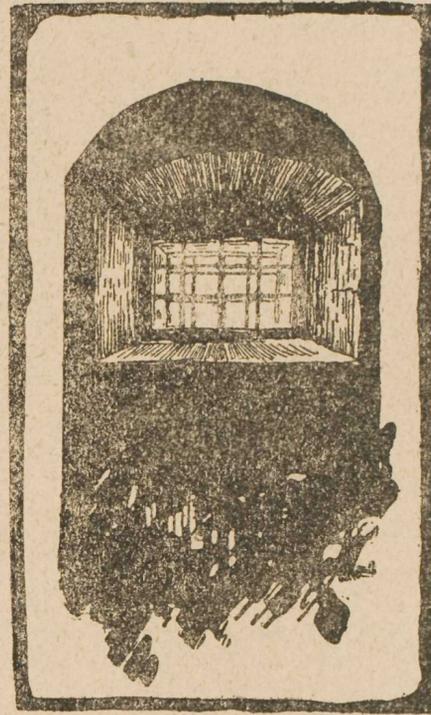
— Мы требуемъ!.. Наша платформа!..

Бюрократы работают.
Народъ наблюдаетъ.

— Ахъ, Государствен-
ная дума!..

Старый режимъ.

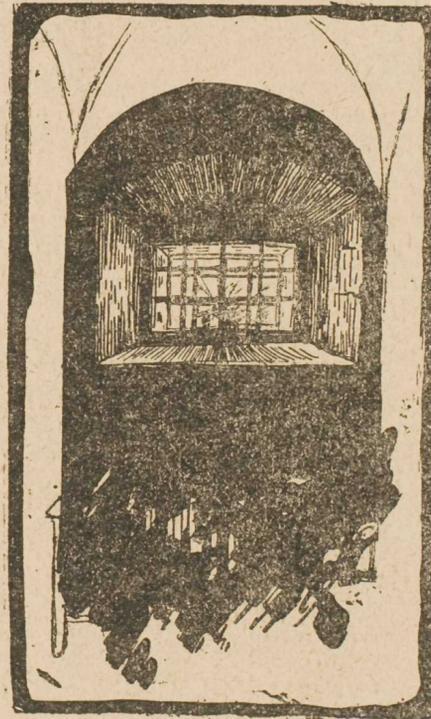
Въ началѣ
1905 года.

Народъ работаетъ.
Бюрократы наблюдаютъ.

— Ахъ, Государствен-
ная дума.

Новый режимъ.

Въ началѣ
1906 года.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

О Д О Х Ъ.

Превосходная у отца Григорія Петрова доха. Чудесная доха. Хоть полъ-Петербурга обыщи, а другой такой дохи не сыскать.

Привезъ онъ ее изъ Сибири и похожъ въ ней на какого-то сибирскаго звѣря. Ей-Богу.

До того похожъ, что, когда онъ изъ Москвы въ Питеръ по чугункѣ пріѣхалъ, въ „Новомъ Времени“ пропечатали:

„Въ Петербургъ прибылъ священникъ звѣрскаго вида. Повидимому о. Гапонъ“.

Прочиталъ это отецъ Григорій и засмѣялся.

— Видно не человекъ красить шубу, а шуба человека. Вотъ у меня какая чудесная доха: и сама въ печать угораздила и меня въ Гапоны произвела.

И сталъ о. Григорій свою доху любить лучше прежняго. Только напрасно онъ радовался раньше времени, да дохой хвастался.

Сталъ онъ вдругъ замѣчать, что у его подъезда днемъ и ночью торчатъ какіе-то гороховые люди.

— Что за притча такая. Чуть надѣну я свою доху, да выйду прогуляться на улицу—глядь-поглядь ужъ изъ-за угла образина гороховая выглядываетъ. И куда ни пойду,—она всюду за мной. Даже оторопь беретъ—ужъ не грабитель-ли какой высльзживаесть.

А разъ утромъ кухарка прибѣжала къ нему, вся въ слезахъ:

— Батюшка баринъ, пропала наша головушка! За нами слѣдятъ!

— Кто слѣдитъ...

— Извѣстно кто... Сыщики.

— Кто это тебѣ такіа глупости сказалъ. Нечего за мной слѣдить. Ни на мнѣ, ни за мной ничего нѣтъ подозрительнаго.

— А доха-то... Сгубить она тебя-батюшка, окаянная...

— Какую ты нескладицу выдумала.

— Вотъ тѣ и нескладица... Дворниковой Машкѣ кривой сами сыщики хвастались... Двое къ твоей дохѣ приставлены,—денно и ночью слѣдятъ.

Мнѣ объ этомъ самъ о. Григорій Спиридонычъ рассказывалъ:

— Надоѣло страшно. Не знаю что дѣлать. Научите какъ развязаться съ дохой. Не хотите ли я ее вамъ подарю.

— Благодарю покорно. Во-первыхъ, у меня уже есть одна доха, за которой правительство денно и ночью слѣдитъ,—Пулеметъ. Пока номеръ печатается, полиція разъ десять заглянетъ. А во-вторыхъ, вамъ гораздо проще переслать вашу доху на Шпалерную въ домъ Предварительнаго Заключенія на храненіе отъ моли. Тамъ ее заключать въ камеру № 207, которая, пока я на волѣ, свободна отъ постоя. По крайней мѣрѣ она у васъ до амнистіи цѣлой останется. А будетъ амнистія—вашу гапонью доху освободятъ.

Такъ о. Григорій, кажется, и сдѣлаесть. Тутъ будетъ и сказкѣ конецъ. Но сказка безъ морали мертва. А морали тутъ двѣ.

Мораль первая:—глупости болтаютъ, что Россія близка къ разоренію. Если у правительства хватаетъ средствъ для того, чтобы слѣдить за шубами, значитъ еще до банкротства далеко.

Мораль вторая:—глупости болтаютъ, будто о. Гапонъ подпалъ подъ амнистію. Если ужъ правительство такъ слѣдитъ за дохой, которая будто бы похожа на ту доху, въ которой онъ будто бы бѣжалъ за границу, кольми паче оно слѣдитъ за самимъ о. Гапономъ.

А высльдивъ развѣ не схватило бы оно его моментально и не посадило бы въ... на храненіе отъ моли.

А все-таки чудесная у о. Григорія доха. Жаль только, что она политическая.

Б Ъ Я Н К А.

Итальянская баллада.

Донъ Сергѣо Конто Витто
Съ Донъ-Шиповымъ пили
водку *).

На балконѣ предъ таверной,—

Вдругъ увидѣли красотку...
То цвѣточница Вероны—
Гордость дѣвъ веронскихъ—
Бьянка,

По прозванью дель-Кампана.
Молодая итальянка
Подошла и предложила
Розъ гирлянду симъ синьорамъ.

Донъ Сергѣо Конто Витто
Въ мигъ ее окинулъ взоромъ
И подумалъ: что за прелесть!

Сложена она на диво:
И стройна и граціозна
И эффектна и красива.
— „Если къ этой розѣ
гирляндѣ
„Поцѣлуй ты дашь въ при-
дачу,
„Я куплю ее охотно.

„Только цѣну самъ назначу...“

Улыбнулась тонко Бьянка

По прозванью дель-Кампана:

— „Я боюсь, синьоръ, покупка

„Будетъ вамъ не по карману:

„Вѣдь и водка и закуска

„Отпускается навѣрно

„Вамъ въ кредитъ и долгосрочный

„Содержателемъ таверны...

„Мы жъ, цвѣточницы, на книжку

„Никогда и не торгуемъ

„Даже розами, повѣрьте,

„А не то, что поцѣлуемъ...“

Отвернулся Конто Витто,—

Что отвѣтить ей на это?

У него въ карманѣ, правда,

Нѣтъ ни одного пезетта **).

**) Итальянскій семишникъ. А можетъ быть и испанскій. Справьтесь по Брокгаузу.

*) Итальянскую.

Рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица.

УРР.УЛ.У. 1906

рис. И. Чубовича

ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Д. И. Котельникова
„ДИКОБРАЗ“

— З а м н о й!..

Типографія Спб. Т-ва „Труд“ Фонтанка, №86.